

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ

Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 191–199

Обзор публикации

УДК 327.2

doi:10.17323/1996-7845-2022-01-10

Факторы и динамика взаимодействия на евразийском пространстве. Обзор книги «Возвращение Евразии. Преимственность и изменения» под редакцией Г. Дизена и А. Лукина^{1, 2}

С.В. Михневич

Михневич С.В. – к.полит.н., управляющий директор Управления международного многостороннего сотрудничества и интеграции Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), исполнительный секретарь Делового совета Евразийского экономического союза (ЕАЭС)³; Российская Федерация, 109240, Москва, Котельническая наб., д. 17; sxzex@yasindex.ru

Аннотация

Настоящий обзор посвящен коллективной монографии «Возвращение Евразии. Преимственность и изменения» под редакцией Г. Дизена и А. Лукина. В книге исследуются интеграционные процессы на евразийском пространстве в исторической перспективе и текущая ситуация в международных отношениях в макро-регионе.

Ключевые слова: Евразия, Большая Евразия, Большое евразийское партнерство, Россия, Китай, США, евразийская интеграция

Для цитирования: Михневич С.В. Факторы и динамика взаимодействия на евразийском пространстве. Обзор книги «Возвращение Евразии. Преимственность и изменения» под редакцией Г. Дизена и А. Лукина // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 191–199 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-10

Сегодня международные процессы в Евразии оказывают все большее влияние на развитие глобальной системы в целом, поэтому особое значение имеют комплексные исследования динамики отношений в данном макрорегионе. Евразия исторически и

¹ Обзор поступил в редакцию 17.01.2022.

² Diesen G., Lukin A. (eds) (2021). The Return of Eurasia. Continuity and Change. Springer: Palgrave Macmillan. Режим доступа: https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-16-2179-6?fbclid=IwA R3N-SJwhPQ9HTTr2mkH05LZp_oIJorn1MemrTC7eUuBrV7EfD4BdIGMYIdts#editorsandaffiliations.

³ Мнение автора не является позицией организаций, которые он представляет.

географически отличается от Европы и Азии, хотя и имеет с ними тесные связи, играя ключевую роль в формировании мегарегиона Большой Евразии.

К сожалению, в англоязычной литературе изучению отношений на евразийском пространстве в течение длительного времени уделялось недостаточное внимание. За пределами России и ряда государств макрорегиона евразийская проблематика зачастую существовала «на периферии» науки о международных отношениях, а интерес к теме не был устойчивым. Разумеется, это не могло не сказаться на количестве и качестве работ, а также понимании особенностей макрорегионального политико-экономического процесса.

В этой связи серьезным событием стала публикация на английском языке коллективной монографии «Возвращение Евразии. Преемственность и изменения», редакторами которой выступили Гленн Дизен и Александр Лукин. Данное издание «проливает свет на наиболее влиятельные подходы к пониманию Евразии, существующие в ключевых евразийских странах и регионах и определяющие развитие целого континента» [р. viii]. Можно с уверенностью утверждать, что работа коллектива авторов книги, объединившего известных ученых-международников со всего мира, была успешной и внесла большой вклад в устранение проблемы информационного разрыва в евразийских исследованиях и повышение осведомленности экспертного и политического сообщества иностранных государств относительно ситуации в макрорегионе.

Для России как одного из ключевых евразийских государств решение данной задачи выступает важным фактором укрепления позиций в макрорегионе за счет выявления возможностей и сложностей в сотрудничестве с государствами Евразии, а также использования перспективных средств для укрепления потенциала конструктивного партнерства. Это требует глубокого понимания исторического опыта, мотивов и интересов всех важнейших участников взаимодействия.

После окончания холодной войны Евразия прошла через период серьезных трансформаций, сопровождавшихся усилением позиций Запада и ослаблением российских позиций, связанным с распадом СССР и «моментом однополярности». Определенному снижению геополитического значения Евразии способствовало и «увлечение» Западом в российской элите, частью которого она хотела стать.

Тем не менее неготовность западных партнеров «принять в свои ряды» нашу страну привела к определенному разочарованию и пересмотру российских внешнеполитических и идеологических приоритетов. Его результатом стало стремление укрепить связи с азиатскими партнерами и «евразийский выбор» во внешней политике. Россия заинтересована в том, чтобы отношения в Евразии не приобрели характер новой «большой игры», которая предполагает высокую конфликтность и неопределенность на фоне эрозии существующего миропорядка.

Еще одним фактором восстановления международной значимости Евразии выступает подъем Азии и укрепление позиций Китая. Немаловажно, что Китай, в отличие Запада, старается учитывать российские интересы в макрорегионе, а не придерживается «игры с нулевой суммой», пытаясь вывести российских соседей из орбиты московского влияния. Во многом благодаря этому активизация политики Китая на текущий момент не привела к российско-китайскому конфликту. Более того, сотрудничество России и Китая в развитии сухопутных транспортных коридоров способствует объединению Евразии и может вдохнуть «новую жизнь» в международную торговлю.

Сегодня «Евразия способствует восстановлению политической субъектности России, Китая и других государств» [р. v]. Авторы монографии полагают, что возвращение

Евразии на передний край мировой политики представляет собой серьезный социально-экономический и политический вызов западноцентричному миропорядку, господствовавшему последние пятьсот лет, способствуя укреплению многополярности.

При этом восстановление международной значимости Евразии вдохнуло «новую жизнь» в различные концепции евразийства, существующие не только в России, но и в Венгрии, Казахстане, Турции, Китае, Индии и ряде других государств. Многие из них проанализированы в рамках рассматриваемого исследования в исторической перспективе, что существенно повышает его ценность за счет целостной и комплексной картины различных течений и взглядов на сущность евразийства, цели и задачи политики. Для одних государств евразийство – возможный идеологический ответ на ключевые вызовы международных отношений. Для других восстановление субъектности Евразии – вызов или фактор, который нужно учитывать в своей политике в макрорегионе. При этом в ходе анализа евразийской картины мира всех рассмотренных акторов значительное внимание уделяется фактору России как ключевой страны в макрорегионе.

При проведении анализа авторы не замыкаются на текущей ситуации во внешней политике соответствующих стран, а дают широкую картину видения Евразии в исторической, философской и географической перспективе с использованием инструментария теорий международных отношений. Это способствует формированию более глубокого понимания комплексных процессов, происходящих в современной Евразии, в противовес поверхностным и абстрактным дискуссиям, нередко имеющим место в современных евразийских исследованиях.

Книга состоит из четырех основных частей: введения (I); анализа ключевых идей евразийства (II); видения Евразии государствами макрорегиона (III); подходов к Евразии в ряде «неевразийских» акторов, вовлеченных в макрорегиональную динамику (IV).

В первой части книги Ричард Саква анализирует тектонический сдвиг в транзите России от Большой Европы к Большой Евразии. Он отмечает, что завершение холодной войны сопровождалась популяризацией идеи, согласно которой падение Берлинской стены означало объединение Европы. Так, идея Михаила Горбачева о создании «общего европейского дома» развилась в проект Большой Европы. Однако последней практически с самого начала была противопоставлена идея «единой и свободной Европы». Она подразумевала распространение существовавшего западноевропейского порядка на весь континент, то есть речь шла о масштабировании атлантической системы.

Ричард Саква отмечает, что «России был предложен не Большой Запад, а членство в Историческом Западе, причем на условиях подчинения» [р. 6]. Москва, которая считала, что во многом именно ее действия положили конец холодной войне, была объективно не готова согласиться с подобным предложением, сделав в дальнейшем ставку на реализацию собственного концепта, связанного с формированием Большой Евразии. Отчасти это было вызвано тем, что инициативы Москвы по строительству Большой Европы воспринимались как прикрытие для создания «Большой России» [р. 13].

Неразрешенные фундаментальные противоречия между атлантической и панконтинентальной версиями международного порядка в регионе «прорвались» в вооруженных конфликтах 2008 г. в Грузии и 2014 г. на Украине. Однако даже эти события не поставили крест на готовности России быть частью Большой Европы. По мнению Ричарда Саквы, Россия «вернулась как международная консервативная сила, но она не является ревизионистской и еще менее того она ставит целью подрыв Запада» [р. 29].

Саква отмечает, что «несмотря на разрыв с Историческим Западом, Россия при Путине сохраняет ряд прежних обязательств <для достижения> панконтинентального единства» [р. 27]. С его точки зрения, Россия придерживается неоревизионистской

стратегии, которая основана на приверженности международным институтам, созданным по итогам Второй мировой войны, и дополняется устойчивым идеализмом, основанным на вере, что Исторический Запад еще может стать Большим Западом с участием России, а панконтинентальные инициативы могли бы сделать Россию полноценным членом Большой Европы.

В основу «российского ответа» на вызовы, связанные с формированием «единого западного фронта» после 2014 г. и существенным усложнением международной обстановки, легли три ключевых «развития»:

- 1) развитие евразийской интеграции;
- 2) развитие российской территории с акцентом на Сибири и Дальнем Востоке;
- 3) развитие отношений с КНР и азиатскими многосторонними институтами, такими как АСЕАН.

Более того, данные подходы реализуются во взаимной увязке. Так, с КНР была достигнута договоренность о сопряжении евразийской экономической интеграции и китайской инициативы «Пояс и путь». Вкупе с укреплением связей с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) это взаимодействие должно стать основой формирующегося Большого евразийского партнерства (БЕП). Последнее вместе со связанными с ним «отдельными инициативами и проектами является частью более глубокой стратегии суверенного интернационализма» [р. 25]. Вместе с тем, несмотря на стремление России к диверсификации внешней политики, она сохраняет готовность к достижению договоренностей относительно панконтинентального единства Европы, что, в свою очередь, требует движения от конфронтации к дипломатии [р. 31].

Во второй части книги, состоящей из трех разделов, рассматриваются концептуальное и идейное измерение евразийства.

В первом разделе данной части Александр Лукин и Дмитрий Новиков анализируют развитие концепции Большой Евразии: от центра силы к сообществу. «Конструктивное сотрудничество <в Большой Евразии> должно основываться на общих институтах, неформальных рамках для взаимодействия, и ценностях, характеризующих “геоэкономическую и геополитическую консолидацию”, формирующих Сообщество Большой Евразии. При этом особое место в успехе данной инициативы, наряду со стабилизацией международной подсистемы в центральной части Евразии, ускорением экономического роста и обеспечением безопасности, отводится преодолению противоречий между Россией и Китаем, а также между Китаем и другими соседними государствами» [р. 35].

В этой связи в своем анализе авторы уделяют особое внимание российско-китайскому сближению, ключевым предпосылкам и факторам, способствовавшим ему. Особое место среди них занимает конфронтационная политика в отношении и России, и Китая со стороны США, ставящих целью противодействие укреплению независимых центров силы. Но «с геополитической точки зрения политика США на флангах Евразии выглядит в большей степени неадаптированной для сдерживания России и Китая и способствует формированию оптимальных условий для российско-китайского сближения» [р. 43].

Подчеркивая отсутствие между Москвой и Пекином глубоких противоречий на текущий момент, Александр Лукин и Дмитрий Новиков отмечают наличие расхождений по ряду вопросов, что тем не менее не снижает устойчивость российско-китайского сближения [р. 42]. Россия и Китай придерживаются, по мнению авторов, общих подходов к трансформации международного порядка, выражаемых, с одной стороны, в общей идеологии многополярности, а с другой – в стремлении освободиться от огра-

ничений односторонней международной системы, в которой доминируют США и их западные союзники [р. 54]. Однако сходство российской и китайской картин мира не принимает конкретных геополитических форм, что, с одной стороны, вызвано отсутствием стимулов для наращивания активности, а с другой — соответствующих областей, в которых такое сотрудничество могло бы быть использовано [р. 55]. В этой связи конструктивное сотрудничество в рамках Большой Евразии и формирование его Сообщества формируют условия для дальнейшего укрепления международных позиций России и Китая и полноценного утверждения многополярного мира.

В следующих разделах, написанных Дэвидом Шиммельпеннинком ван дер Ойе и Гленном Дизеном, анализируется история развития в России идеологии евразийства.

Первый из авторов анализирует исторические связи России с Азией и Европой до большевистской революции, делая акцент на восприятии их в ходе определения российской идентичности представителями российской интеллектуальной элиты. Так, определение славянофилами русской культурной идентичности, которая во многом была искажена петровскими реформами, осуществлялось через призму европейской идентичности, в которую постепенно инкорпорировались неславянские, восточные элементы [р. 94–95]. Их значимость постепенно усиливалась и нашла отражение в российской внешней политике.

Гленн Дизен, исследуя российский консерватизм, обращает внимание на его развитие в контексте восстановления политической субъектности в Евразии и адаптации к постзападному миру. Евразийство, по его мнению, становится базовой консервативной позицией для объединения фрагментированной российской истории, включая интеграцию во взаимосвязанный нарратив и национальное самосознание различных исторических периодов: Киевской Руси, монгольского ига, культурной революции Петра Великого, политики экономического национализма в Азии в XIX в., турбулентной советской эры, неопетровских реформ Ельцина и современного восхождения постзападного мира [р. 117–118]. При этом восхождение Азии сформировало сильные стимулы для восстановления евразийского консерватизма. Автор отмечает, что «впервые в российской истории органическое развитие может быть возможным в формате Большой Евразии» [р. 100]. А сама инициатива по формированию Большой Евразии выступает в роли геоэкономической стратегии, нацеленной на восстановление политической субъектности Евразии посредством «передислокации» России с двойной периферии Европы и Азии в центр более крупного евразийского конструкта» [р. 113].

Третья часть книги включает пять разделов, посвященных различным взглядам на евразийство с «национальной спецификой» в евразийских государствах Центральной Азии, Китае, Турции, Венгрии и Индии.

Султан Акимбеков представляет комплексную историческую оценку роли Центральной Азии в международных отношениях в Евразии. Несмотря на то что сейчас Центральной Азии часто уделяется недостаточное внимание как не имеющему выходов к морю региону Большой Евразии, его значимость как центра пересечения интересов ведущих евразийских государств сложно переоценить. В течение последних двух столетий регион по крайней мере трижды становился ареной «Большой игры»: между Великобританией и Россией в XIX в., затем между СССР и США в годы холодной войны, после распада СССР — между Китаем, Россией и США. Более того, можно говорить и о современной «адаптации “Большой игры”», в которой участвуют многие региональные державы: Индия, Иран, Саудовская Аравия, Турция и Пакистан [р. 121]. Таким образом, автор подчеркивает, что Центральная Азия — это регион, где решались и будут решаться судьбы «великих империй».

В следующем разделе Фэй Гао и Ли исследуют китайское видение Евразии, находящее отражение в современном проекте «Пояс и путь», а именно Нового Шелкового пути. Авторы уверены, что «для Китая Евразия – не только экономический хаб, соединяющий развитые и развивающиеся страны. Но и краеугольный камень мира и безопасности, для обеспечения региональной стабильности» [р. 157]. Значительные экономические достижения дают Китаю возможность выступить драйвером ключевых экономических инициатив, обеспечивающих интеграцию в Евразии с учетом исторического опыта взаимодействия и идеологии. В целях реализации политики «двойной циркуляции» Китай заинтересован в развивающихся странах Евразии как в источнике энергетических и сырьевых ресурсов и рынках сбыта для своей промышленной продукции. Из развитых стран Китай импортирует ключевые технологии и услуги [р. 172–173]. Одновременно Китай нуждается в создании условий для укрепления долгосрочных позиций в макрорегионе, чему способствует реализация проекта «Пояс и путь», обеспечивающая позитивные экономические эффекты не только для Китая, но и для всех вовлеченных государств. Как полагают исследователи, в ходе строительства «Пояса и пути» «китайская угроза» стала «китайской возможностью» [р. 184].

Гоктюрк Туйсюзоглу и Балаш Аблончи рассматривают идеологию евразийства через призму исторического опыта Турции и Венгрии. Первый из них отмечает возросший интерес к евразийству в стране, вызванный окончанием холодной войны и необходимостью пересмотра внешнеполитической стратегии с учетом новых международных условий и особого географического положения Турции [р. 185–186]. В своем разделе он рассматривает основные параметры классического евразийства и неоевразийства, анализирует евразийский дискурс в Турции, а также оценивает связь евразийской идеологии с практической политикой страны. Автор обращает внимание на тесную связь турецких подходов с российским евразийством. Вместе с тем в Турции рассматривают евразийство в прагматичном ключе, развивая сотрудничество с Россией там, где это возможно, однако не меняя своей стратегической ориентации [р. 223]. Балаш Аблончи исследует возрождение Венгерского туранизма как евразийского концепта, идентифицирующего венгерскую нацию в качестве наследников Гуннов. Он отмечает, что на развитие венгерского евразийства оказала сильное влияние политика России в середине XIX в. и ее роль в войне за независимость 1848–1849 гг., которые в дальнейшем нашли отражение в устойчивой антироссийской позиции в венгерском общественном мнении [р. 228]. Также автор исследует, как недавнее возрождение туранизма, приобретающего «новое дыхание» в современной Венгрии, влияет на ее восприятие своей роли в мире.

П.С. Рагхаван обращает внимание на уникальное положение Индии как ведущей евразийской силы. Исторически Индия была тесно связана с другими частями макро-региона посредством сухопутных торговых путей. Так, Великий Шелковый путь был не просто торговым коридором из Китая в Европу, но выступал важнейшим каналом «для обмена идеями, религиями, культурой и философией между Индией, Центральной Азией и Китаем» [р. 251–252]. «Индийская “мягкая сила” в континентальной Евразии и морской Азии существенно ослабла в эпоху Британской оккупации Индии и коммунизма в Центральной Азии. Индийская внешнеполитическая стратегия после окончания холодной войны нацелена на восстановление “мягкой силы” и укрепление политических и экономических связей» с Евразией [р. 252]. Возрождение Евразии – серьезный вызов для Индии, которая стремится найти баланс между Большой Евразией и конкурирующим концептом Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) и избежать роста напряженности и геополитического противостояния в ИТР [р. 265]. «В результате для Индии, исходя из ее географии, выделяется два основных императива внешней поли-

тики: защита экономических интересов и интересов в области безопасности в ИТР и обеспечение стратегических интересов на севере и западе континента» [р. 270].

Четвертая, заключительная, часть книги состоит из двух разделов, освещающих подходы неевразийских акторов к евразийской интеграции.

Билахари Каусикан делает попытку оценить, в какой степени ЮВА может считаться частью Евразии. С точки зрения географии ЮВА разделена на континентальные и островные государства, экономика которых также носит разделенный характер. При этом продвигаемая Россией концепция Евразии предполагает преимущественно сухопутный характер [р. 279], что существенным образом затрудняет полноценную интеграцию ЮВА в евразийские инициативы. Кроме того, Россия играет ограниченную роль в региональных отношениях, несмотря на определенные успехи в выстраивании сотрудничества с АСЕАН, в том числе по линии ЕАЭС – АСЕАН [р. 280]. Автор констатирует, что «ни Россия, ни АСЕАН не имеют четкого понимания того, какую роль другая сторона может играть в их стратегиях» [р. 280]. Изменению ситуации может способствовать определенная адаптация собственного видения к системам координат партнеров. Так, АСЕАН, разделяя идеологию многополярности, несмотря «на определенный скептицизм или дискомфорт, вызванный определенными политическими действиями Запада, не занимает враждебных позиций <по отношению к нему>» [р. 282].

В заключительном разделе Томас Грэмман анализирует в широкой исторической перспективе центральную и устойчивую роль Евразии во внешней политике США. Соединенные Штаты в течение всей своей истории определяли внешнеполитические интересы в целях обеспечения органического баланса сил в Европе и Азии, что также должно было способствовать формированию благоприятных условий для продвижения американских внешнеэкономических интересов [р. 288]. Так, после поражения Германии и Японии в попытках установить гегемонию в Европе и Азии, которое существенно укрепило позиции СССР как возможного европейского гегемона, США последовательно устанавливали присутствие на евразийском континенте для активного восстановления баланса сил. Исследователь уверен, что причиной для этого была «советская подозрительность, враждебность и жесткое поведение» [р. 298] – предпосылки, с которыми сложно согласиться, особенно если иметь в виду внешнюю политику США в рассматриваемый исторический период.

После окончания холодной войны США столкнулись с рядом новых серьезных задач в Евразии [р. 305]:

- интеграция России в евро-атлантическое сообщество как «свободной рыночной демократии»;
- укрепление суверенитета, независимости и территориальной целостности всех бывших советских государств;
- экспансия ключевых институтов евро-атлантического сообщества в Восточную Европу и стабилизация европейского континента;
- реализация мер контроля над вооружениями для поддержания безопасности арсенала бывшего СССР, сокращение российского и американского ядерных арсеналов, поддержание стратегической стабильности;
- интеграция Китая в ведомый США международный порядок как «ответственного участника»;
- партнерство с Индией и улучшение отношений с партнерами по Восточной Азии;
- изоляция Ирана.

Несмотря на наличие серьезных ресурсов и возможностей «момента однополярности», США очень ограниченно преуспели в решении указанных задач, результатом

чего стал рост глобальной неопределенности и совершенно новое распределение сил в Евразии, к которому США еще только предстоит адаптировать собственную политику.

В заключение необходимо отметить, что несмотря на дискуссионный характер многих идей авторов и недостаточную проработку вопросов институциональной динамики интеграционных процессов на пространстве Евразии, рассмотренное исследование, без сомнения, заслуживает внимания и может быть рекомендовано к тщательному изучению не только специалистам, но и всем интересующимся современными международными отношениями.

Factors and Dynamics of Interaction in Eurasia. Review of “The Return of Eurasia: Continuity and Change,” edited by Glenn Diesen and Alexander Lukin^{1,2}

S. Mikhnevich

Sergey Mikhnevich – PhD in political science, managing director of the Department for International Multilateral Cooperation and Integration, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP); executive secretary of the Eurasian Economic Union (EAEU) Business Council³; 17 Kotelnicheskaya nab., Moscow, 109240, Russian Federation; sxzex@yasindex.ru

Abstract

In this article, the author reviews The Return of Eurasia: Continuity and Change, edited by Glenn Diesen and Alexander Lukin. The book is dedicated to the research of the concepts, history and current stance of integration processes in Eurasia.

Key words: Eurasia, Greater Eurasia, Greater Eurasian Partnership, Russia, China, the U.S., Eurasian integration

For citation: Mikhnevich S. (2022). Factors and Dynamics of Interaction in Eurasia. Review of “The Return of Eurasia: Continuity and Change”, edited by Glenn Diesen and Alexander Lukin. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 191–199 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-10

¹ Diesen G., Lukin A. (eds) (2021). *The Return of Eurasia: Continuity and Change*. Springer: Palgrave Macmillan. Available at: https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-16-2179-6?fbclid=IwAR3NSJwhPQ9HTr2mkH05LZp_oIJorn1MemfTC7eUuBrV7EfD4BdIGMYIdts#editorsandaffiliations

² This analytical review was submitted 17.01.2022.

³ The opinions expressed in this publication are those of the author. They do not purport to reflect the opinions or views of organisations he represents.